

УДК 329.11+329.3

Юрий Владимирович Василенко

кандидат философских наук, докторант
Института философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург. yuvasil@yandex.ru

У ИСТОКОВ ИСПАНСКОГО ТРАДИЦИОНАЛИЗМА: СЛУЧАЙ ПАДРЕ Ф. СЕБАЛЬОСА

В статье проведен анализ политико-идеологической идентичности падре Ф. Себальоса (1732–1802) как одного из философов-схоластов, стоявших у истоков политической идеологии испанского традиционализма. Автор показывает много-составной характер политико-идеологической идентичности Себальоса, выявляет три ее составляющие: либерально-консервативную, традиционалистскую и потенциально праворадикальную. Проанализировав интерпретации главного сочинения Себальоса «Ложная философия», автор приходит к выводу о характере его политико-идеологической идентичности как традиционалистской со склонностью к потенциально праворадикальному консерватизму. Свою аргументацию автор выстраивает на традиционалистских идейно-ценностных доминантах политического мышления Себальоса (католицизм и монархия), а также на его призывах к политическому насилию в отношении философов-просветителей. На примере Себальоса автор конструирует один из механизмов формирования праворадикального консерватизма и правого радикализма в странах, относящихся к периферийной модели развития политических идеологий в рамках евро-христианской цивилизации.

Ключевые слова: Политическая идеология, политико-идеологическая идентичность, традиционализм, реакция, европейское анти-Просвещение, Испания, XVIII век.

Среди политологов и историков нет единого мнения относительно того, в какой момент начинается генезис испанского традиционализма как политической идеологии и политической практики. Исторически этот процесс в Испании растягивается на целое столетие и включает в себя несколько эпох от правления Карлоса III (1759–1788) до либерально-буржуазной революции 1868–1874 гг., совпадая по существу с общим для евро-христианской цивилизации кризисом Старого порядка и становлением Нового как либерально-буржуазного. Генезис испанского традиционализма включается в общенациональный модернизационный проект как один из его аспектов, хотя и является первоначально его контрагентом. Соответственно и динамики обоих процессов во многом совпадают, взаимно обуславливая друг друга.

В Испании XVIII в. с ее абсолютистским монархизмом общий характер исторических эпох традиционно определялся еще и личностями монархов как главных субъектов политического процесса. Так, эпоху Кар-

лоса III (1759–1788), положившего начало либерально-буржуазной модернизации страны в духе британо-французского Просвещения, в целом можно охарактеризовать как мирное сосуществование Старого и зарождающегося Нового порядков. Следующая за ней эпоха Карлоса IV (1788–1808) характеризуется уже глубоким кризисом Старого, но еще предельной хрупкостью новых социально-политических структур, откровенно спасавших перед лицом Великой французской революции. Это не в последнюю очередь предопределило отношение Испании к периферийной модели развития политических идеологий в рамках евро-христианской цивилизации. Эпоха Фернандо VII (1814–1833) – уже время жесточайшего идейно-ценностного противостояния и вооруженной борьбы между Старым порядком и Новым, однако с небольшим перевесом победил все-таки Старый. При этом сам король-традиционалист в последние годы своей жизни начал в нем постепенно разочаровываться. Необратимый крах Старого порядка в Испании по большому счету наступает лишь во времена правления королевы-регентши Марии Кристины и королевы Изабель II (1833–1868), которые, исповедуя в равной степени идеи, взгляды и ценности своих предков – абсолютных монархов, так и не смогли противостоять ходу истории и почти сразу же согласились с необратимой победой Нового порядка. При этом Изабель II в силу специфики, как представляется, прежде всего своего характера, женского темперамента и личности в целом, фактически приближала и ускоряла наступление новой эры, что в конечном итоге и привело ее к ссылке во Францию.

В итоге за время правления испанских Бурбонов (XVIII–XIX вв.) власть в Испании постепенно переходила от традиционалистски ориентированной средневековой аристократии и Церкви к либерально ориентированной буржуазии, что самым непосредственным образом сказывалось на развитии испанского традиционализма как политической идеологии и политической практики. Претерпевая существенные идейно-ценностные трансформации, зарождающийся в эти столетия испанский традиционализм постепенно отмежевывается от средневекового традиционализма и превращается в политическое явление эпохи модерна.

Главная трудность при анализе политико-идеологических парадигм первого поколения испанских традиционалистов (до Кадисских кортесов 1810–1812 гг.) заключается в том, что все они сформировались в условиях Старого порядка и никогда не мыслили себя в качестве политических идеологов Нового как либерально-буржуазного. В этой связи результат их политико-идеологической деятельности – это не более чем а priori философско-мировоззренческие парадигмы, в которых мы можем увидеть лишь некоторые черты, а иногда и просто даже некоторые мотивы, зарождающегося традиционализма как политической идеологии (со слабым выходом на политическую практику). Но сделать это бывает возможно лишь, что называется, «задним числом».

Необходимость подобной модернизации обуславливается еще и тем, что все претенденты на звание основоположника политической идеологии

и политической практики традиционализма формулировали свои философско-мировоззренческие парадигмы до того, как противостояние между революционерами (либералами) и контрреволюционерами (традиционалистами) перешло в Испании в открытую фазу, то есть до Кадисских кортесов. Последние обрели в испанской политической истории эпохальное значение, поскольку именно на них был поставлен предельно прямо главный вопрос политико-правовой сферы общественной жизни: о политической власти, или – аутентично – о суверенитете нации (для либералов) или короля (для традиционалистов).

По нашему мнению, одним из главных претендентов на звание парадигмальной фигуры первого поколения испанских традиционалистов, и соответственно основоположника политической идеологии и политической практики современного испанского традиционализма в целом, может быть назван уроженец Андалузии (из провинции Кадиса), член Ордена Святого Иеронима, монах, юрист, писатель, и как считает традиционалист М. Менендес-и-Пелайо, слава Севильского университета и монастыря Сан Исидро дель Кампо [8], падре **Фернандо де Себальос-и-Мьер** (1732–1802).

Проблема заключается в том, что Себальос, находясь у самых истоков испанского традиционализма, вмещает в себя столь противоречивые идеи, взгляды и ценности, что ни одно из существующих определений его политико-идеологической идентичности не может быть признано до конца удовлетворительным. Господствующим в среде интерпретаторов является определение Себальоса как «реакционера». Однако мы имеем фактически 140-летнюю дискуссию относительно нюансов данного определения, поскольку все интерпретаторы вкладывают в него свои собственные – порой весьма различные – смыслы. В конце концов, «реакционером» может быть и либеральный консерватор, негативно реагирующий на потенциально либеральные инновации Просвещения; «реакционером» может быть и праворадикальный политический практик, призывающий к прямому политическому насилию против своих оппонентов слева.

Реакционность Себальоса на протяжении всей его жизни проявлялась по-разному. Себальос, по мнению современного испанского либерально-консервативного историка Х. Альвареса Хунко, вероятно *лучший представитель* тех церковных кругов, которые встали в оппозицию к политике Просвещения» [1, р. 336] (курсив – Ю.В.). В продолжение предыдущего андалузский поэт и писатель-романтик Х.Х. Буэно-и-Лерукс называет Себальоса *неутомимым защитником* католических принципов, *бичом и хлыстом* для неверующих и распространителей ложных доктрин [10, р. 100] (курсив – Ю.В.). Вся его жизнь, как обобщает эти суждения Менендес-с-и-Пелайо, была долгим и мучительным *крестовым походом* против *энциклопедизма* во всех его проявлениях как против его принципов, так и далеко идущих выводов и социальных последствий, которые он видел с почти пророческой ясностью и отвергал в благородном порыве, хотя и подвергался со стороны светских властей запретам, изгнанию и цезаристскому произволу [8] (курсив – Ю.В.). Одновременно выдающийся

андалузский историк философии начала XX в. М. Мендес Бехарано увидел в фигуре Себальоса всего лишь философа (схоласта-антиэнциклопедиста), стоящего в одном ряду с выдающимися испанскими схоластами XVIII в. Последние же, по его мнению, не продвинулись по сравнению со своими предшественниками XVII в. практически ни в чем: испанские францисканцы продолжали придерживаться идей Д. Скотта, доминиканцы – Ф. Аквинского, а иезуиты – Ф. Суареса [7].

Если мы постараемся обобщить вышеприведенные интерпретации авторитетных классиков, то подходя к делу позитивистски, получим в лице Себальоса средневекового философа-догматика, решившего опираясь на испанскую политическую традицию XVI–XVIII вв. (в частности Инквизицию) расправиться со своими оппонентами, точно такими же философами, политическими методами, аргументируя это тем, что последние явно вышли за рамки созерцательной философии. Благодаря своим многочисленным сочинениям¹ (написанным, по мнению либерального историка Х. Эрреро [5, р. 91], по мотивам практически забытого сегодня французского философа К.А. Ноннотта и других европейских моралистов XVIII в.), в Испании последней четверти XVIII в. Себальос становится знаменосцем католической негативной реакции как на европейское Просвещение вообще, так и испанских «офранцузенных» либералов, в частности.

Как представляется, уже на основании вышеприведенных интерпретаций мы можем определить идеи, взгляды и ценности Себальоса как исключительно антипросветительские, а в политико-идеологическом плане – антилиберальные и, соответственно, антибуржуазные. Приставка «анти» является в данном случае абсолютной и самодовлеющей. Специфика политико-идеологической идентичности Себальоса заключается в том, что он точно знает, против чего выступает. Однако кто он есть на самом деле, наш персонаж сказать затрудняется. Многосоставной характер подобной «реакционной» политико-идеологической парадигмы вполне позволяет допустить, что в постепенно формирующейся правой части политико-идеологического спектра эта парадигма может быть расположена на нескольких «полях» одновременно: и зарождающегося либерального консерватизма, и традиционализма, и потенциально праворадикального консерватизма.

Наша задача в этой связи – постараться проанализировать политико-идеологическую идентичность Себальоса, разложив ее на идейно-ценностные составляющие и таким образом более точно определить ее положение

¹ Многие сочинения Себальоса («Анализ Эмиля, или Трактата об образовании Ж.-Ж. Руссо», «Окончательное суждение о Вольтере», «Анализ книги Беккариа о преступлениях и наказаниях», «Новации безверия», «Причины неравенства между людьми») остались не изданными до сих пор. Найти часть из них в частных коллекциях еще во второй половине XIX в. оказалось под силу лишь такому страстному библиофилу, как Менендес-и-Пелайо [8], который, однако, не говорит ничего конкретного ни об их философско-мировоззренческом, ни о политико-идеологическом содержании. Насколько эти сочинения могли бы помочь определить характер политико-идеологической идентичности Себальоса более точно, вопрос открытый.

ние в политико-идеологическом спектре, не только как просто «реакционное». Принимая во внимание то, что традиционализм является идейно-ценностным «ядром» для всех возможных вариаций в определении политико-идеологической идентичности Себальоса, мы в нашем определении также будем исходить именно из этого.

Так, в историю зарождающейся политической идеологии испанского традиционализма Себальос, что принципиально важно, входит еще до Великой французской революции, в 1774–1776 гг. (что, собственно, и позволяет называть его не основоположником, а в лучшем случае всего лишь провозвестником данной политической идеологии) с 7-томным сочинением «Ложная философия, или Атеизм, деизм, материализм и другие новые секты, замышляющие государственный переворот против суверенов и их регалий, против магистратов и легитимных властей» [11]. Основное содержание данного сочинения во многом, как представляется, становится понятным уже из его названия.

Современный испанский историк-позитивист П.К. Гонсалес Куэвас называет «Ложную философию» «первой действительно важной католической апологетикой» [4, р. 60] (курсив – Ю.В.). Менендес-и-Пелайо называет сочинение Себальоса, если бы оно было завершено, «антиэнциклопедией» и «огромным Космосом падре Себальоса» [8] (курсив – Ю.В.). Более того, по мнению библиофила, изданные при жизни Себальоса шесть томов «Ложной философии» составляли лишь половину задуманного им сочинения [8]. Главной целью падре Себальоса, утверждает Менендес-и-Пелайо, было показать крах обществ, нивелирование легитимных властей, беспорядок и анархию как итоговый и необходимый результат внедрения натурализма и забвения сверхъестественного порядка в науке, в жизни и управлении народов [8].

На наш взгляд, наиболее удачная позитивистская концептуализация «Ложной философии» Себальоса представлена в небольшой статье современного французского испаниста Л. Домерга, который выделяет в этом сочинении одиннадцать сюжетных линий: суверенитет, соблазны и наказания, право на сопротивление, Папа и король, универсальная монархия и католическая религия, ересь и соблазны, философия и подрывная деятельность, безбожные иностранцы, диатриба против духа века, месть Бога, приближение конца света [3]. Аутентично изложенное Домергом содержание «Ложной философии» позволяет заключить, что в политическую философию модерна Себальос вписывается крайне односторонне: часть используемых им понятий безвозвратно устарели, многие в современном политическом вокабулярии отсутствуют вовсе. В итоге Себальос однозначно остается в рамках генетического этапа в развитии политической идеологии испанского традиционализма. Поэтому его никак, впрочем, не артикулированные «претензии» на статус основоположника политической идеологии современного испанского традиционализма, не оправданы.

Концептуализируя «Ложную философию» в политико-идеологическом ключе, Эрреро прочитывает в сочинении Себальоса четыре темы, кото-

рые ложатся в основу его «реакционного мышления». Так, первые две темы «Ложной философии» имеют прямое отношение к философско-мировоззренческой парадигме Себальоса и к культурно-цивилизационному уровню имплицитно формулируемой им политико-идеологической парадигмы; третья – уже к политико-институциональному уровню; а четвертая – к предлагаемому Себальосом формату политической практики как следствию трех предыдущих тем. Следуя нашей структуре политической идеологии, мы также можем связать четвертую тему сочинения Себальоса с ситуативно-тактическим уровнем его политико-идеологической парадигмы.

Первая тема сочинения Себальоса – протестантское происхождение «Ложной философии» [5, р. 93-97]; *вторая* – синонимичность таких понятий, как философия, грех, бунт и Зло [5, р. 97-98]. Объединив обе темы воедино, мы вполне можем построить философско-мировоззренческую парадигму Себальоса, сведя ее в таблицу следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Протестантизм	Католицизм
«Ложная философия»	Подлинная религия
Просветители	Церковь
Грех	Добродетель
Бунт	Послушание
Зло	Добро

Опираясь на данную философско-мировоззренческую парадигму, которую, на наш взгляд, невозможно определить иначе как традиционалистскую, Себальос выстраивает культурно-цивилизационный уровень своей политико-идеологической парадигмы вокруг понятия «католицизм». При этом католицизм является для Себальоса настолько всеобъемлющей идейно-ценностной доминантой, что он совсем ничего не говорит ни о националистической, ни об имперской составляющих данного уровня.

В первом случае Себальос (в понимании понятия Менендеса-и-Пелайо) – католический ортодокс, будучи полностью опосредованным средневековым традиционализмом в самом широком смысле этого слова, был просто не способен разделить католицизм и испанский национализм. Его никак не артикулированный, но закономерно возникающий спор с господствовавшим на тот момент в Испании регализмом, настаивающем на «национализации» Испанской католической церкви, лучшее тому подтверждение. Что касается имперской составляющей, то в данном случае Себальос вольно или невольно оказывается основоположником своеобразной традиции, которая будет определять становление испанского традиционализма как политической идеологии и политической практики на всем протяжении ее генетического периода. Он ее фактически игнорирует, несмотря на то, что именно в испанских колониях все «соблазнительные и подрывные максимы» англосаксонских протестантов и французских просветителей обретут особую силу. Разделяя мир предельно дихотомично на хороших католиков как верующих и плохих протестантов как потенциаль-

ных атеистов, Себальос пока не замечает в рамках евро-христианской цивилизации никаких иных разделительных (собственно политико-идеологических) линий, которые уже в самой ближайшей исторической перспективе будут определять ее судьбы самым непосредственным образом.

Третья тема, прочитанная Эрреро в «Ложной философии» Себальоса [5, р. 98-102], непосредственно связана уже с политико-институциональным уровнем его политико-идеологической парадигмы. На данном уровне, как это мы увидели и на культурно-цивилизационном, у Себальоса вновь господствует одна, но предельно всеобъемлющая идейно-ценностная доминанта – монархия. Защищая классическую средневековую традиционалистскую связку «религия-монархия», Себальос аутентично выступает против таких идейно-ценностных инноваций просветителей, «принципов зла», как суверенитет нации, свобода и равенство, противопоставляя последним религию и монархию. Он выступает как выдающийся прогнозист, фактически предвосхищая все содержание политико-идеологических споров, развернувшихся не только на ставших эпохальными Кадисских кортесах через тридцать с лишним лет после выхода в свет «Ложной философии», но и на протяжении всего генетического этапа в развитии политической идеологии испанского консерватизма.

Именно в тот момент, по нашему мнению, Себальос, неосознанно следуя за своей интуицией, превращается из философа-теолога в собственно политического идеолога, с огромным трудом, но довольно успешно преодолевающего идейно-ценностное «притяжение» своей философско-мировоззренческой парадигмы средневекового традиционализма и устремляющегося в далекое будущее. Если еще на культурно-цивилизационном уровне своей политико-идеологической парадигмы Себальос говорит о «ложной философии» как имеющей протестантское происхождение философии Просвещения, то уже на следующем – политико-институциональном – мы наблюдаем пусть и незаметную для самого Себальоса, но тем не менее определенную «мутацию» «ложной философии» в политическую идеологию либерализма. Соответственно, оформляется и главное политико-идеологическое противостояние генетического периода в развитии политической идеологии испанского консерватизма – *между либерализмом и традиционализмом*. Иерархия идейно-ценностных доминант в политико-идеологической парадигме Себальоса (религия и монархия) позволяет сделать вывод о наличии у нашего персонажа традиционалистского дискурсивного вектора «снизу вверх».

Вместе с тем выдвигая монархию на первый план, Себальос ничего не говорит об остальных составляющих политико-институционального уровня политической идеологии – политическом режиме и территориально-государственном устройстве. В данном случае Себальос явно ограничен своими верноподданническими чувствами (что опять-таки говорит о его традиционализме), которые заставляют его полагаться исключительно на мудрость христианского короля, обладающего на тот момент абсолютной властью. Себальос как верноподданный не видит различий ни между

диктатурой и демократией, ни между централизмом и автономизмом. Будучи изначально лишь философом-схоластом, он, с одной стороны, просто не доходит до этих понятий политической теории; с другой, сама политическая теория конца XVIII в. еще не позволяет ему осознать всю важность данных составляющих политико-институционального уровня политической идеологии. Хотя мы понимаем, что сам по себе абсолютизм как политическая система не оставил для Себальоса никакого – даже гипотетического – выбора в пользу демократии или автономизма. Как политический идеолог Себальос не может быть никем иным, кроме как сторонником традиционных средневековых политических институтов, обеспечивающих прямую и неразрывную идейно-ценностную преемственность с предшествующими историческими эпохами, поскольку созданы они были, по его мысли, Господом Богом и, соответственно, изначально не могут подлежать никакой – пусть даже самой малой – критике.

В итоге, поднимаясь на защиту католицизма против нападков со стороны «ложной философии» и на защиту монархической власти против «суверенитета нации», Себальос оказывается в оборонительной и, соответственно, консервативной позиции «реакционера». При этом, как кажется Себальосу, всем потенциально либеральным протестантско-просветительским инновациям по-средневековому традиционные (и в перспективе традиционалистские) догмы католицизма, почерпнутые из Евангелия, которое, как это было и с Ф. Аквинским в XIII в., являются для нашего персонажа главным источником политико-идеологического мышления. Он не только признает активную позицию идеологов протестантизма и Просвещения, но и отказывается признавать пассивную, производную позицию «реакционеров». Себальос открыто призывает к активным действиям своих идейно-ценностных единомышленников, которых можно было бы определить как традиционалистов-католиков, с опережением противопоставляя их сформировавшимся в Испании лишь во второй половине XIX в. либеральным католикам.

Поэтому принципиальное, на наш взгляд, значение для определения политико-идеологической идентичности Себальоса приобретает и *четвертая тема* «Ложной философии», определяемая Эрреро как «экзальтация насилия» [5, р. 102-104], поскольку именно она позволяет определить, насколько и в каком направлении наш персонаж выходит на политико-идеологическом спектре за идейно-ценностные границы традиционализма. Речь, в частности, идет о трех темах, подробно развиваемых Себальосом в своем сочинении: война, смертная казнь, пытки. Именно они, уверен Себальос, должны защитить общество – Старый порядок от разрушительных атак сторонников «ложной философии» [5, р. 102]. И в то время как сам Себальос видит в подобной практике «три великих принципа социального порядка» и «источники порядка», либерал Эрреро не может оценить их иначе, как «ненависть к культуре» [5, р. 103-104].

Для разрешения данного противоречия необходимо глубоко погрузиться в христианскую догматику, трактующую тем или иным образом

проблему соотношения добра и зла, христианского милосердия и политического насилия. Может ли человек называться христианином, если он открыто призывает к насилию над людьми, обладающими иными идеями, взглядами и ценностями; и что допустимо сделать христианину при защите своих идей, взглядов и ценностей. Анализируя политико-идеологическое противостояние либерализма и традиционализма в отдельно взятой стране в конце XVIII в., мы ограничимся лишь констатацией наличия этой проблемы, которая в дальнейшем еще неоднократно будет поставлена нашими персонажами во всей ее полноте. Оставаясь до конца не разрешенной вплоть до наших дней и, соответственно, не утратив на протяжении XIX–XX вв. своей актуальности, эта проблема может стать настоящей «ахиллесовой пятой» для всего евро-христианского традиционализма и внесет значительный вклад в его ниспровержение и как политической идеологии, и как политической практики. Себальос, предложив лишь одно из возможных ее решений (вполне, на наш взгляд, обоснованное в рамках той традиции, в которой он находился), открыл таким образом «ящик Пандоры», «запрограммировав» фактически будущее поражение своих идейно-ценностных единомышленников в политико-идеологическом противостоянии с либерализмом.

Приведя вышеизложенные аргументы, Эрреро упорно сдвигает определение политико-идеологической идентичности Себальоса вправо, настаивая на том, что он является носителем «реакционного мышления». В наших понятиях это звучит как потенциально праворадикальный консерватор. Признавая весомость аргументов либерального историка, прежде чем делать собственные выводы, мы хотели бы соотнести аргументы Эрреро с аргументами иных интерпретаторов идей, взглядов и ценностей Себальоса. Тем более что несмотря на общий философско-мировоззренческий догматизм Себальоса и агрессивное неприятие им всего того, что так или иначе было связано с протестантизмом и Просвещением, сочинение нашего персонажа не избежало и ряда идейно-ценностных и общеполитических противоречий, производных от наметившегося в Испании конца XVIII в. кризиса Старого порядка. Учитывая то обстоятельство, что данные противоречия не только поставили Себальоса как традиционалиста в довольно неловкое положение, но и позволяют скорректировать правый «уклон» в определении Эрреро. Мы должны отнестись к ним со всем вниманием.

Во-первых, сочинение Себальоса «Ложная философия» посвящается стороннику просвещенного абсолютизма П. Родригесу де Кампоманесу, который не только занимал несколько ключевых министерских должностей в реформистских правительствах короля-просветителя Карлоса III, возглавляемых Х. Моньино-и-Редондо, графом де Флоридабланка, но и может рассматриваться как один из претендентов на звание провозвестника испанского либерального консерватизма. Отсюда и политико-идеологическую идентичность Кампоманеса можно, на наш взгляд, определить как потенциально либерально-консервативную. Данный факт сразу же разворачивает определение политико-идеологической идентичности Се-

бальоса влево – в направлении либерального консерватизма и делает из него персонажа не так уж и чуждого прогрессивным веяниям времени.

Более того, Себальос, напоминая Альварес Хунко, будучи «упертым реакционером», выступает в защиту права граждан на вооруженное сопротивление гражданским властям, если последние начинают злоупотреблять своими властными полномочиями. Испанский историк прямо связывает идеи, взгляды и ценности Себальоса с испанским иезуитом конца XVI – начала XVII в. Х. де Марианой, вошедшим в историю Европы как один из идеологов тираноборчества [1, р. 336-337]. Сегодня Мариана ряд патриотически настроенных испанских либеральных консерваторов рассматривают как одного из далеких провозвестников испанского либерализма. Великий иезуит падре Хуан де Мариана (1536–1624), по мнению современного испанского экономиста Х. Уэрта де Сото, довел до своего логического конца *либеральную доктрину* превосходства естественного права над властью государства, которая сегодня исповедуется такими *либеральными философами*, как Мюррей Ротбарт и Роберт Нозик» [6] (курсив – Ю.В.).

Во-вторых, как пишет биограф Себальоса, выдающийся историк испанской философии Л. Видарт Шуч, шестой том книги был запрещен в Испании к изданию, поскольку Совету Кастилии, рецензировавшему «Ложную философию», показалось, что ее автор недопустимо зауживает значение «гражданской власти» [10, р. 100-101]. В итоге Себальос вступает в прямой конфликт с регалистскими идеями, взглядами и ценностями, одним из ярчайших представителей которых в Испании являлся все тот же потенциальный либеральный консерватор Кампоманес. Данный аргумент, как мы видим, находится в прямом противоречии с предыдущим. В результате определение политико-идеологической идентичности Себальоса сразу же ограничивается на политико-идеологическом спектре слева традиционализмом. Символическое посвящение политику всегда будет выглядеть слабее, чем любые прямо и конкретно сформулированные идеи, взгляды и ценности.

В-третьих, в пятом томе «Ложной философии» Себальос, доказывая насущную необходимость применения смертной казни, обрушивается на книгу «Трактат о преступлениях и наказаниях» (1764) итальянского юриста-просветителя Ч. Бонесана, известного также как маркиз де Беккариа. Проблема заключается в том, что публикация этой книги в Испании в 1774 г. [2] была санкционирована опять-таки самим Кампоманесом. Себальос вновь оказывается в довольно глупой ситуации: он посвящает книгу политику, с идеями, взглядами и ценностями которого открыто спорит. Вместе с тем оформив свою критику идей, взглядов и ценностей итальянского просветителя в отдельную книгу «Анализ книги Бекарриа о преступлениях и наказаниях» (пусть даже она, как утверждает Менендес-и-Пелайо, и не была издана), Себальос тем не менее добился того, чтобы Испанская инквизиция включила книгу маркиза в список запрещенных [8]. Подобное взаимопонимание Себальоса с Инквизицией явно и необходимо склоняет опреде-

ление политико-идеологической идентичности нашего персонажа вправо – в направлении потенциально праворадикального консерватизма.

В итоге определение политико-идеологической идентичности Себальоса проходит на используемом нами политико-идеологическом спектре полный «консервативный цикл»: от крайне неубедительной и поверхностной потенциально либерально-консервативной интерпретации слева до вполне очевидной склонности нашего персонажа к потенциально праворадикальному консерватизму справа.

В-четвертых, сложная судьба седьмого тома «Ложной философии», как пишет Видарт, непосредственно ускорила смерть нашего персонажа [10, р. 101]. Первое издание этого тома было осуществлено Себальосом лишь в Лиссабоне в 1800 г., за что в Испании он подвергается серьезным политико-юридическим преследованиям со стороны другого провозвестника политической практики испанского либерального консерватизма – знаменитого фаворита Карлоса IV – М. Годоя-и-Альварес де Фариа.

Вопрос, который невозможно не задать Себальосу, на который он сам, как представляется, едва ли смог бы найти вразумительный ответ: как случилось, что он, будучи католическим священником и сторонником Инквизиции, апеллировал к Кампоманесу, потенциально либерально-консервативный и уж во всяком случае нетрадиционалистский (если не антитрадиционалистский) характер идей, взглядов и ценностей которого был всем, и ему в частности, хорошо известен. С другой стороны, к кому еще мог апеллировать относительно скромный католический монах, с печалью наблюдающий все более углубляющийся кризис Старого порядка, если не к выдающимся представителям государственной власти. И не вина Себальоса, что государственные министры и сам король Карлос III стремились не столько бороться с новыми, с точки зрения автора «Ложной философии», разрушительными идеями, взглядами и ценностями, сколько идти у модных тенденций в чем-то на поводу, а в чем-то искать «золотую середину» *между либеральным Просвещением, прямо и неуклонно ведущим к либерально-буржуазной революции, и католической традиционалистской реакцией*, все с большей уверенностью встающей на защиту Старого порядка. Себальос же был представителем последней.

Тот факт, что Себальос видел выявленное нами противоречие, следует из его неизданной книги, походя упоминаемой в «Испанских инакомыслящих» Менендесом-и-Пелайо [8]. У нашего персонажа имеется отдельное сочинение, направленное непосредственно против работы Кампоманеса 1768 г. «Беспристрастное суждение волей Божьей инфантагерцога Пармского о сочинениях, изложенное кратко, которым Римская Курия посчитала необходимым отказать в публикации и лишить их под этим предлогом временного суверенитета» [9]. Как это видно даже из названия, Кампоманес вступает в дискуссию с Римской Курией по поводу запрета тех или иных сочинений. Между тем обращает на себя внимание и то обстоятельство, что «Беспристрастное суждение» было издано задолго до написания «Ложной философии». Из этого следует, что отношение Се-

бальоса к выдающемуся министру Карлоса III было противоречивым или как минимум довольно изменчивым во времени.

Менялось отношение к Себальосу и самого Кампоманеса, а с ним и всех потенциальных провозвестников либерального консерватизма, собравшихся при дворе короля-просветителя Карлоса III. Так, пока речь шла о Спинозе, Гоббсе и Бейле, Кампоманес (как утверждает Менендес-и-Пелайо) не видел в «Ложной философии» ничего плохого. Однако после четвертого тома ему стало понятно, что знамя, которое он считал *дружественным* или *нейтральным*, было знаменем *войны*» [8] (курсив – Ю.В.). Подобная перемена в отношении Кампоманеса к нашему персонажу объясняется тем обстоятельством, что именно в четвертом томе «Ложной философии» Себальос переходит от философско-мировоззренческой парадигмы своих идей, взглядов и ценностей к собственно политико-идеологической. И если философско-мировоззренческие парадигмы у традиционализма и либерального консерватизма, по нашему мнению, в основополагающих своих чертах являются общими (консервативными), то политико-идеологические разнятся уже существенно.

Вместе с тем, встав на защиту «регалий Его Величества» против фактически средневековых притязаний Испанской католической церкви на политическую власть, Кампоманес смог существенно продвинуться по пути осознания себя носителем идей, взглядов и ценностей потенциально либерального консерватизма. При этом в данных понятиях он, естественно, никогда не мыслил, используемый им дискурсивный вектор «сверху вниз» (Монархия как политический институт определяет развитие Религии и Церкви как религиозного института, а не наоборот, как это было у Себальоса) имеет именно либерально-консервативный характер. В итоге Себальос, по-видимому не желая открыто спровоцировать негативную реакцию в свой адрес со стороны всемогущего министра, не только ее спровоцировал, но и парадоксальным образом внес одновременно определенный вклад в развитие политической идеологии испанского либерального консерватизма.

На примере Кампоманеса мы видим, что первоначально политические идеологи и политические практики зарождающегося в Испании либерального консерватизма воспринимают традиционалистские идеи взгляды и ценности как «дружественные или нейтральные»: сказывается общность философско-мировоззренческих парадигм. Все это, на наш взгляд, прямо указывает и на специфику генезиса либерального консерватизма в странах, относящихся к периферийной модели развития политических идеологий в рамках евро-христианской цивилизации. Потенциально либерально-консервативные идеи, взгляды и ценности зарождаются, распространяются и укореняются в этих странах не только в результате их прямого заимствования из Великобритании и Франции, но и в качестве левой деривации местного традиционализма, политические идеологи которого вынуждены прямо апеллировать к потенциальным либеральным консерваторам, обладающим реальной политической властью и, соответственно, способными воспрепятствовать все более ощутимому кризису Старого порядка.

В этой связи Себальос, как говорит Менендес-и-Пелайо, даже встречался с Карлосом III лично: но все было напрасно [8]. Потенциальные либеральные консерваторы ставили перед собой совершенно иные – инновационные – цели, нежели традиционалисты-реакционеры; или, что также возможно, политическая практика потенциально либеральных консерваторов привела Старый порядок к прямо противоположным результатам, нежели они того хотели.

Учитывая все вышесказанное, мы, соединяя воедино две наиболее обоснованные, на наш взгляд, классические интерпретации политико-идеологической идентичности Себальоса, предлагаем собственное ее определение как располагающейся на политико-идеологическом спектре между традиционализмом и потенциально праворадикальным консерватизмом.

Аргументируем наше определение, сведем идейно-ценностные доминанты Себальоса в таблицу (табл. 2).

Таблица 2

Идейно-ценностные доминанты культурно-цивилизационного уровня	Религия (ревностный католицизм)
Идейно-ценностные доминанты политико-институционального уровня	Монархия
Дискурсивный вектор	Традиционалистский «снизу вверх»
Идейно-ценностные оппоненты	Протестанты и просветители
Склонность к насилию в отношении идейно-ценностных оппонентов	Открытая, имеется
Политико-идеологическая идентичность	Между традиционализмом и потенциально праворадикальным консерватизмом

Использование Себальосом традиционалистского дискурсивного вектора «снизу вверх» отмечается большинством интерпретаторов как бесспорное. Так, Менендес-и-Пелайо увидел в «Ложной философии» следующий порядок проблем: тысячи вопросов метафизических, этических, политических и социологических [8]. На первостепенность религии по отношению к политическим институтам в идеях, взглядах и ценностях Себальоса говорит и Гонсалес Куэвас, когда утверждает, что Себальос не был абсолютистом и тем более регалистом; он был отважным защитником привилегий Католической церкви [4, р. 60] (курсив – Ю.В.). Анти-философ Себальос, по мнению Домерга, не признает ни государств, ни законов вне пределов католической религии [3, р. 195] (курсив – Ю.В.).

Склонность Себальоса к потенциально праворадикальному консерватизму производна от его четкого – в духе немецкого политического философа К. Шмитта – идейно-ценностного расхождения со своими оппонентами по линии «друг-враг». С одной стороны, эта линия приводит философа-схоласта Себальоса в политику как таковую; с другой, дискурс насилия выводит его за пределы современного не только либерального, но и консервативного политического мышления. Последнее, между тем, не оз-

начает, что идеи, взгляды и ценности Себальоса не могли и не были востребованы в Европе в XIX–XX вв. В Испании XIX в. политико-идеологическая парадигма Себальоса находит свое практическое воплощение в карлизме как радикальном традиционализме и потенциально праворадикальном консерватизме. В первой половине XX в. она превращается уже в собственно правый радикализм, сливающийся во многих отношениях с фашизмом (первое поколение франкистов). В этой связи Себальос вполне оправдывает классическое определение его политико-идеологической идентичности как «реакционной». Другое дело, что реакция нашего персонажа имеет все-таки традиционалистское происхождение. Мы не найдем у Себальоса реакции ради реакции и насилия ради насилия, его реакция и склонность к политическому насилию – это всегда лишь инструмент для защиты традиционалистского «ядра» (идей, взглядов и ценностей Старого порядка). Силой идейно-ценностной константы данная реакция, на наш взгляд, не обладает.

Случай Себальоса также позволяет нам выявить один из фундаментальных механизмов становления праворадикального консерватизма и далее – правого радикализма; причем не только в Испании, но и во всех странах, в которых в первой половине XX в. существовали фашистские режимы (Италия, Германия и Восточная Европа). Так, носители традиционалистских идей, взглядов и ценностей, искренне апеллирующие к находящимся у власти потенциально либеральным консерваторам и не нашедшие у них никакой политико-идеологической поддержки, поскольку последние на генетическом этапе своего развития постоянно мечтают и разрываются *между либерализмом и традиционализмом*, начинают постепенно смещаться все далее вправо. При неординарном случае (война, экономический или династический кризис) они легко берутся (или призывают взяться) за оружие, прямо или косвенно провоцируя политическое насилие и гражданскую войну. Каким образом интегрировать традиционалистов, стоящих на защите идей, взглядов и ценностей Старого порядка, в порядок Новый как либерально-буржуазный – одна из сложнейших проблем современной политической науки. Несмотря на то, что в «мирное время» традиционалисты кажутся необратимо устаревшими политическими акторами, во времена серьезных кризисов мы вполне можем столкнуться с религиозной, имперской и националистической реакцией, которая легко сметет еще не устоявшиеся демократические политические институты. Как мы видели на примере Себальоса, консенсусные начала в традиционалистских политико-идеологических парадигмах довольно слабые, хотя в них и содержатся определенные возможности для конструктивного политического диалога.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Álvarez Junco J.* Mater Dolorosa. La idea de España en el siglo XIX. Madrid : Grupo Santillana de Ediciones, S.A., 2001. 683 p.

2. *Beccaria C.* Tratado de los delitos y de las penas. Madrid : Por D. Joaquín Ibarra, Impresor de Cámara de S.M., 1774. 184 p.
3. *Domergue L.* Un defensor del Trono y del Altar acusado de crimen antirregalista: Fray Fernando de Cevallos // Bulletin Hispanique. 1979. Vol. 80, № 3-4. P. 190-200.
4. *González Cuevas P.C.* Historia de las derechas españolas. De la Ilustración a nuestros días. Madrid : Editorial Biblioteca Nueva, S.L., 2000. 525 p.
5. *Herrero J.* Los orígenes del pensamiento reaccionario español. Madrid : Editorial Cuadernos para el Diálogo, S.A., 1973. 411 p.
6. *Huerta de Soto J.* Liberalismo [Электронный ресурс]. URL: <http://www.liberalismo.org/articulo/306/13/liberalismo/> (дата обращения: 17.03.2014).
7. *Méndez Bejarano M.* Historia de la filosofía en España hasta el siglo XX. Capítulo XVI: El siglo XVIII. § IV. Los escolásticos [Электронный ресурс]. URL: <http://www.filosofia.org/aut/mmb/hfe1604.htm> (дата обращения: 17.03.2014).
8. *Menéndez y Pelayo M.* Historia de los heterodoxos españoles. Libro Sexto. Capítulo III. VII: Literatura apologética [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/servlet/SirveObras/01361608688915504422802/p0000026.htm> (дата обращения: 17.03.2014).
9. *Rodríguez Campomanes P.* Juicio imparcial sobre las letras, en forma de breve que há publicado la Curia Romana, en que se intentan derogar ciertos Edictos, del Serenísimo Señor Infante Duque de Parma, y disputarle la Soberanía temporal con este pretexto. Madrid : Por Joaquín Ibarra, calle de la Gorguera, 1768. 60 p.
10. *Vidart L.* La filosofía española, indicaciones bibliográficas. Madrid : Imprenta Europea, 1866. XVI, 406 p.
11. *Zevallos F. de.* La falsa filosofía, ó El ateísmo, deísmo, materialismo y demás nuevas Sectas convencidas del crimen de Estado contra a los Soberanos y sus regalías, contra los Magistrados y Potestades legítimas. VI vols. Madrid, 1774–1776.

Материал поступил в редколлегия 17.03.2014 г.

Yuri V. Vasilenko, Candidate of Philosophy, doctoral candidate, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
Ekaterinburg. E-mail: yuvasil@yandex.ru

AT THE ROOTS OF SPANISH TRADITIONALISM: PADRE F. ZEBALLOS'S CASE

Abstract: In the article, the author analyzes political and ideological identity of padre F. Zeballos (1732-1802) – one of scholastic philosophers who stays at the roots of modern Spanish traditionalist political ideology. The author demonstrates the multipartite character of Zeballos' political and ideological identity and reveals its three components: liberal-conservative, traditionalist, and, potentially, right-radical conservative. Through the interpretation of the main Zeballos' opus «The False Philosophy» the author concludes that Zeballos's political and ideological identity is the traditionalist one, and it inclines toward potentially right-radical conservatism. The author's arguments are based on traditionalist ideological and axiological dominants of Zeballos' political mind (Catholicism and Monarchy), and his calls for the political violation against the philosophers-enlighteners. Using the Zeballos' case, the author constructs a mechanism of the right-radical conservatism and right radicalism, which exists in European Christian countries such as Italy, Spain and Germany, as well as in Eastern European ones.

Keywords: Political ideology, political and ideological identity, traditionalism, reaction, European anti-Enlightenment, Spain, XVIII century.

***The transliteration of the list of literature
(from the cirillic to the latin symbols) is submitted below***

BIBLIOGRAFICHESKI SPISOK

1. *Álvarez Junco J.* Mater Dolorosa. La idea de España en el siglo XIX. Madrid : Grupo Santillana de Ediciones, S.A., 2001. 683 p.
2. *Beccaria C.* Tratado de los delitos y de las penas. Madrid : Por D. Joaquín Ibarra, Impresor de Cámara de S.M., 1774. 184 p.
3. *Domergue L.* Un defensor del Trono y del Altar acusado de crimen antirregalista: Fray Fernando de Cevallos // Bulletin Hispanique. 1979. Vol. 80, № 3-4. R. 190-200.
4. *González Cuevas P.C.* Historia de las derechas españolas. De la Ilustración a nuestros días. Madrid : Editorial Biblioteca Nueva, S.L., 2000. 525 p.
5. *Herrero J.* Los orígenes del pensamiento reaccionario español. Madrid : Editorial Cuadernos para el Diálogo, S.A., 1973. 411 p.
6. *Huerta de Soto J.* Liberalismo [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.liberalismo.org/articulo/306/13/liberalismo/> (data obrashhenija: 17.03.2014).
7. *Méndez Bejarano M.* Historia de la filosofía en España hasta el siglo XX. Capítulo XVI: El siglo XVIII. § IV. Los escolásticos [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.filosofia.org/aut/mmb/hfe1604.htm> (data obrashhenija: 17.03.2014).
8. *Menéndez y Pelayo M.* Historia de los heterodoxos españoles. Libro Sexto. Capítulo III. VII: Literatura apologética [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/servlet/SirveObras/01361608688915504422802/p0000026.htm> (data obrashhenija: 17.03.2014).
9. *Rodríguez Campomanes P.* Juicio imparcial sobre las letras, en forma de breve que há publicado la Curia Romana, en que se intentan derrogar ciertos Edictos, del Serenísimo Señor Infante Duque de Parma, y disputarle la Soberanía temporal con este pretexto. Madrid : Por Joaquín Ibarra, calle de la Gorguera, 1768. 60 p.
10. *Vidart L.* La filosofía española, indicaciones bibliográficas. Madrid : Imprenta Europea, 1866. XVI, 406 p.
11. *Zevallos F. de.* La falsa filosofía, ó El ateísmo, deísmo, materialismo y demás nuevas Sectas convencidas del crimen de Estado contra a los Soberanos y sus regalías, contra los Magistrados y Potestades legítimas. VI vols. Madrid, 1774–1776.